

В ГОСТЯХ У ИОНЕСКО

Лит. новости. - 1992 - № - С. 1

После того, как Лили Дени по просьбе Бернара Собеля перевела мою пьесу "Игра в жмурики", я решил дать ее почитать Эжену Ионеско. Пьеса ему понравилась, и он пригласил меня к себе в гости. И вот я у великого авангардиста. Гостиная, чай, сигареты. В гостиной светились картины Миро и Шагала, а на блюде — пасхальные яички.

И мы говорили о своих пьесах, об обновлении России, Европы, мира, о роли Солженицына, о путче, о мужестве Ельцина во время путча. О Румынии, о Илиеску, о власти секретной румынской полиции. О Достоевском, Кафке, Платонове, Набокове, Шаламове. О фильмах Андрея Тарковского, его дневниках. Говорили о Сартре, резко выступившем против правдивых показаний Кравченко (первый живой документ сталинского ГУЛАГа...). О "Бесах" в постановке Любимова, о шоковой реакции, когда в Петре Верховенском Париж увидел Ленина.

Много говорили о театре Чехова, его драме жизни, dare внушить надежду, несмотря на трагическую судьбу его, незамысловатых простых героев. О театре Брехта, пытавшегося противопоставить социальный аморализм своего левого политического театра правому фашистскому национал-социализму. Гитлеровский фашизм был раздавлен сталинским коммунизмом. Если б не было разрушительного для России сталинского коммунизма, то, может, и фашизм Гитлера до войны бы не поднялся...

Но История была — как была. И разрушать тоталитарный коммунизм Любимов начал Брехтом — "Добрый человек из Сезуана". Потом поднялся до Шекспира, Достоевского, Чехова, — поднялся до Театра-Храма. И на Таганку народ шел как в храм. Высоцкий там был Гамлетом, пророком, человекобогом.

Я рассказал Ионеско о своем понимании Театра-Храма, который должен быть призван к великому искусству, к общению с истиной, к озарению. Основа Театра-Храма — это пьеса, текст драматурга. И самый сильный очищающий заряд несет в себе спектакль, конечно же, по пьесе современного драматурга, в которой дышит день сегодняшний.

Думаю, что пьесы надо писать на таком философском и религиозном уровне, как "Только Верою" Лютера. За последние 70 лет Россия накопила столько невыдавленного, невысказанного исторического гноя, сколько, пожалуй, ни одна страна за всю историю человечества. И если нам "посчастливилось" жить в такую эпоху, то Уильямс, Ионеско и Беккет — наши родные драматурги, не говоря уже о Чехове. Пора поднимать свою "чернуху" до философского и религиозного уровня мировой драматургии.

Сейчас театр в России идет по линии наименьшего сопротивления — по линии власти режиссера в театре, власти сексуальных, танцевальных ляжек над текстом драматурга. И да простит меня Роман Виктюк (обещавший поставить "Игру в жмурики"), но в пьесе Жене "Служанки" в первую очередь должен играть текст Жене. А кто лучше заставит блистать на сцене текст Жене — женщины или мужчины — это вторично...

Мы с Ионеско говорили, что при "коммунизме" человек разучился поступать по-человечески, разучился работать. Ионеско рассказал историю еврея из соцлагеря, приехавшего в Израиль, где ему дали квартиру, работу, а он стал просить еще и клиентов.

15 лет назад я обошел десятки московских библиотек, чтобы найти и прочитать в читальне пьесу "Носороги". 7 лет назад философские произведения Ионеско можно было найти только отрывочно, кусками, с перемежающими их отступлениями кагебешных философов — иначе и не назовешь! — но даже в таком виде в научной философской библиотеке эти обрывки работ были "для служебного пользования". И лишь благодаря тому, что одной смелой душе удалось отсканировать эти тексты — мы их читали.

Истинный авангардизм Ионеско, Платонова, Шаламова легко отличить от современного, большей частью "тусовочного" советского авангардизма, поменявшего лишь знак "совейский", а не поднявшегося до уровня классической русской и мировой литературы.

Я говорил Эжену Ионеско о своем театральном потрясении его от "Стульев" в театре Станиславского. Моя последняя пьеса "Непорочное зачатие" вдохновлена была его "Стульями" — "жизнерадостным трагизмом" трупов Евы и Адама. И я рассказывал про своих Адама и Еву, что они с семи лет учились в интернате ОГБ, что с семи лет их учили убивать, и что вот они взрослые вместе живут то ли "в задании", то ли на пенсии, то ли в Париже, то ли в Москве, то ли ясновидящие, то ли сумасшедшие, то ли путч предсказывают, то ли сами — бациллы власти серой, кагебешной. И я рассказывал, как встретил в жизни такого воспитанни-

ка кагебешного интерната, которого не по той точке на тренировке ударили — в шлак спустили, для заданий смертельных негодным стал. Но он сам себе стал выдумывать смертельные задания, имея защитником "белый билет". И я рассказывал, как этот выродок чуть не убил меня, а, оставив жить, своей судьбой вдохновил на пьесу "Непорочное зачатие".

Мы говорили о "Записках из подполья", о том, как Кафка признал свое творческое рождение от этой повести Достоевского, зажег французский экзистенциализм, зажег Ионеско. Трудно достать было в России 15 лет назад Кафку, но мы доставали и Кафку, и Бердяева, и Ницше, и Розанова. "Кольямские рассказы" Варлама Шаламова — русского Кафки — стали моей первой книгой, купленной в Париже.

Я доказывал, почему абсурдные трагедии Ионеско оптимистичны. Глубокий трагизм, неудовлетворенность существованием оптимистичны всегда, так как доказывают позицию несдавшегося человека, не боящегося никаких ужасов жизни. Ионеско говорил, что пытался своим творчеством показать людям дорогу к Богу, но сам себя считает плохим верующим. Рассказал, что как-то в молодости у него не было совсем денег — и он нашел 300 франков, а когда стал при деньгах — потерял тоже 300 франков и понимает все это как кредит Бога.

Еще он рассказывал, что когда написал "Лысую певицу", то все решили, что он "левый", пьесы его ставили. Но тут он заявляет свою правую позицию — и 15 лет во Франции табу на его пьесы, и лишь благодаря Англии и Америке пьесы его живут.

И мы говорили, как Миттеран ступал перед путчистами.

Я думал о коммунисте Бернаре Собеле, желающем ставить "Игру в жмурики" — это "прощание с коммунизмом". Думал о том, как в страшную ночь 19 августа мы говорили с Собелем по телефону и он меня успокаивал, он был уверен, что путч не пройдет, что Ельцин победит. И я думаю, что фашисты пришли к власти с правой стороны, коммунисты с левой. Думаю о "Носорогах" Ионеско, о носорогах фашизма и ничем от них не отличающихся носорогах коммунизма. И я думаю, что художники должны принадлежать к одной партии — партии гуманизма, партии Божественного Центризма. Хотя бы художники... Впрочем, чтобы был центризм — нужны и правые и левые, нужна демократия.

А монополия власти Союза писателей — это не демократия, это носорожье стадо с вожаком-носорогом. Потому и ступался журнал "Современная драматургия", где публикация "Игры в жмурики", по словам главного редактора Н. Мирошниченко, решалась на уровне министра культуры. И пьеса все-таки была подписана Н. Мирошниченко для публикации в 5-м номере с предисловиями Ю. Эдлса и Г. Горина. Но когда в путчевом августе Н. Мирошниченко уезжает в отпуск, А. Юриков — Шариков-Юриков, носорожий коммунист — собирает носорожью часть редакции и незаконно-законно рассыпает в наборе мою пьесу, работая под путчистов, под носорожье-кагебешную власть Союза писателей. И лишь "Мулета" печатает мою пьесу "Непорочное зачатие".

И я думаю о первом диссиденте России — русском языке, русском мате, первым восставшем против мертвечины коммунизма. Думаю об использовании мата в пьесах. Сейчас без мата просто невозможно написать сильный, художественно правдивый во всех отношениях образ.

Я не призываю материться в жизни. Напротив. Но если драматург нуждается "материться" в театре для создания точного художественного образа, надо дать ему на это право. Мат в искусстве — это как исповедь убийцы в искусстве, как исповедь Раскольникова. И дать мат на театральной сцене — это все равно что раскрыть психологию убийцы.

...Театр Ионеско — продолжатель шекспировской, чеховской, богочеловеческой линии мировой и русской драматургии. Ибо что бы что ни говорил, но метафизические, сказочно гиперболизированные образы Ионеско вызывают высокий аристотелевский катарсис.

Мы проговорили с Ионеско больше двух часов, и моей дочке, 4-летней Марии надо было идти спать. И мы расстались с Ионеско, с его женой и с его дочерью Марией. Ионеско меня поцеловал и надписал мне книгу со своими пьесами — "с дружбой и благодарностью".

Когда мы шли домой, моя жена Шанталь сказала, что в жизни Ионеско очень похож на героя своей пьесы "Король умирает", — в жизни он такой же добрый сказочник. Я с ней не согласился только в одном. Король не умирает! Да здравствует Король, месье Ионеско!

Михаил ВОЛОХОВ